

18+

Наше оружие — слово

Жара

Сергей Ходосевич

Жара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110338

ISBN 9785005119216

Аннотация

Традиционный сборник группы «Наше оружие – слово» ВК открывает читателю новые имена и продолжает знакомить с творчеством завсегдаев нашей литературной группы. Проза и поэзия на любой вкус, где каждый сможет найти что-то родное для себя, что всколыхнет душу. Сборник, что назван «Жара», представляет собой капустник из творчества наших авторов, который всегда захочется прочитать где-то в тени от летнего зноя или в тишине от всех домашних дел в уютном кресле.

Содержание

От редактора	6
Оксана Довгунец	8
Визави	8
Простое право быть собой	10
Гость из снов	12
Ундина	14
Уходило лето	16
Гульнара Гуськова	18
Моему городу Санкт-Петербургу	18
Отпуск	20
«Растворился дивный сон, усмешка утра...»	22
Сказки нашего леса	28
Закат	51
Марина Зонтикова	53
Ох, ты Русь моя – Россия!	53
Юлия Кабиокова	55
Чёрмозский пруд	55
Денис Кабиоков, 7 лет	57
Сказка. Возвращение блудных гусей	57
Сергей Карпеев	60
Сальванс	60
Музыкальный учебник философии	62
Наталья Козлова	76

На закате	76
Сказки волшебного леса	78
Адажио леса	79
Дух леса	80
Тайны леса	81
Хранитель леса	82
Замок за лесом	83
Муравейник	84
Ливень	85
Санитар леса	86
Избушка местной бабы – Яги	87
Ураган	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Жара

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-0051-1921-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

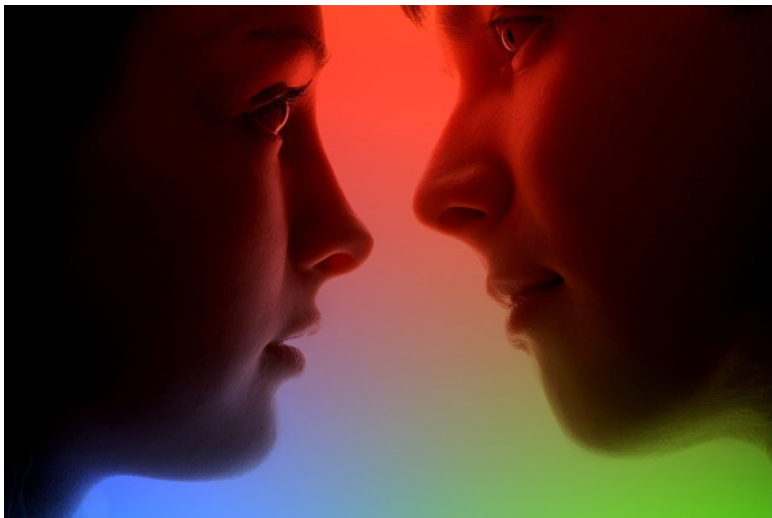
<https://vk.com/club188576710>

Традиционный сборник группы Наше оружие слово ВК

открывает читателю новые имена и продолжает знакомить с творчеством завсегдаев нашей литературной группы. Проза и поэзия на любой вкус, где каждый сможет найти что то родное для себя, что всколыхнет душу. Сборник, что назван Жара, представляет собой капустник из творчества наших авторов, который всегда захочется прочитать, где то в тени от летнего зноя или в тишине от всех домашних дел в уютном кресле

Оксана Довгунец

Визави

Почитай мне стихи о любви,
Тишину разрывая словами.
Очень просто, вот так, визави
Лишь мерцанье свечи между нами.

Этот вечер похожий на сон,
Очень странный, немного волшебный.
Навсегда нам запомнится он,
Будет греть в суете каждодневной.

Взгляд, улыбка, касанье руки,
Сердце стонет уже в предвкушеньи.
Как светлы мы сейчас и легки,
В добровольном этом плененьи.

Расскажи мне еще о любви,
Но уже не словами, а телом.
Ты сегодня мой визави.
Просто я, вот так, захотела!

Простое право быть собой

Пью чай, а хочется виски.
Ем соль, притворяюсь, что мед.
Могла б стать большою артисткой,
Романсы пою я без нот.

Вновь ключья души на живую,
Сшиваю тупою иглой.
Мне боль говорит, что живу я.
И стать не дано уж иной.

И снова пружиной на взводе,
Рванут оголенные нервы.
Им тесно в своей несвободе,
Истлели терпенья резервы.

На крик переходят слова,
А слезы в глухое рыданье.
Собой быть простые права,
Вернуть можно лишь в испытаньи.

Утеряны были беспечно,
Сама не заметила как,
Теперь вот в игре бесконечной,
Живу я на радость зевак.

Из клетки мне выйти лишь надо,
Сорвав старых фобий засовы.
Сломать истин лживых преграды,
И комплексов скинуть оковы.

Забытое чувство свободы,
Вернуть и уже не терять.
Чтоб стать снова частью природы,
Чтоб суть слова «счастье» понять.

Гость из снов

Ты стал лишь гостем смутных снов,
Тревожных, редких, нежеланных.
Не нахожу я нужных слов,
Чтоб объяснить, как ноет рана.

Как сны мне возвращают боль,
Что прощена, но не забыта.
Любить и ждать простую роль,
Я доиграла всю – «финита»...

Ты стал теперь лишь гостем снов,
Ну что ж, хоть так тебя увижу.

То снится мне любви ушедшей зов...

Ты стал чужим, а был когда-то жизнью.

Ундина

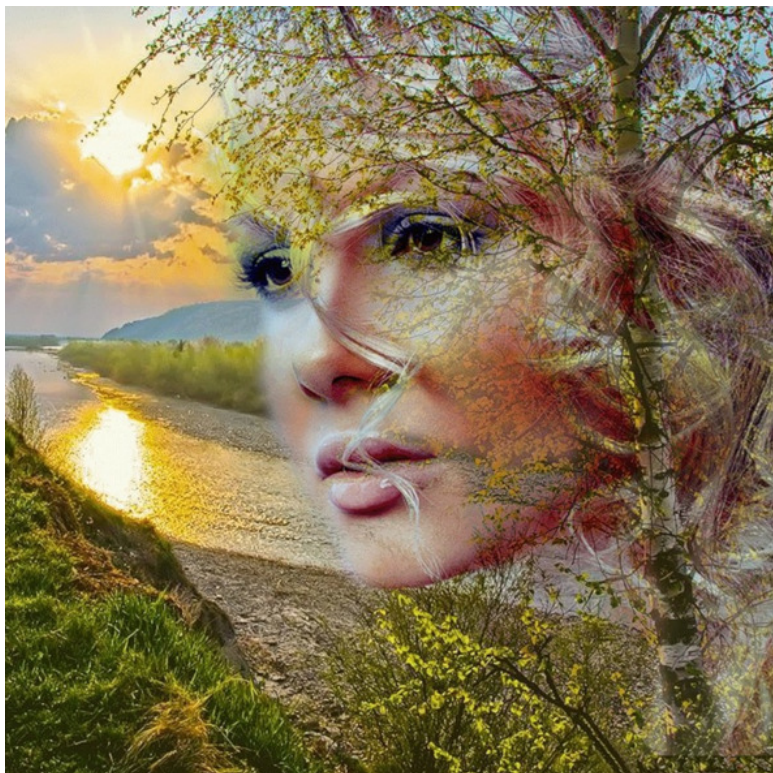

Окунуть в бирюзовый простор,
Поплыть навстречу волне.
Слышу тихий её разговор,
О загадочных тайнах на дне.

Как прекрасно с водой единенье,
Сколько магии в силе её!
Ненавязчиво дарит прозреньё,
О хорошем, что в будущем ждёт.

Я ундина, русалка морская,
Не боюсь никакой глубины.
И покой, что так долго искала,
Я найду в объятьях волны.

Уходило лето

Приходило лето, в радужном наряде.
Раздавало счастье солнечным теплом.

Яркий лик его взору так отраден,
Что душа раскрывшись вторит вдруг во всем!

Радовало лето берегом песчаным,
Нежным лёгким бризом и морской волной,
Что играя с нами, катерок качала,
Мы в ответ смеялись, не смотря на зной.

Угощало лето сладкими плодами,
Приторным нектаром поцелуй даря.
Аромат цветов, страстью одурманил,
Не дала уснуть нам красотой заря.

Грозами – дождями, небывалой грустью,
Обещав вернуться в наше сердце вновь,
Болью и тоскою, той что не отпустит...
Уходило лето, как моя любовь

Гульнара Гуськова

Моему городу Санкт-Петербургу

Тот город плетет кружева из культур,
Вплетает в основу сюжеты востока,
Широкие скулы, раскосый гламур,
Ажурные петли восточного бога.

Прикроет свою азиатскую суть
Заманчиво-благостной западной мордой,
Он вышьет событий канву, не согнуть,
Крестом и металлом, и рваной аортой.

Уральский хребет поседел и от слез
Людей, перемолотых, как в мясорубке,
Скрепленных колючей тесьмой вперехлест,
Теряющих смысл бытия в душегубке.

Мой город внесет на железный поднос
Бакшиш из людей, заводов и хижин
И шпалами сложит высокий помост,
Чем выше, тем кущи небесные ближе

Отпуск

Заморочила весна прохладным утром,
Объявили по стране всей карантин
И в решении правительства, премудром,
Все узнали, что такое «керосин»

Собиралась целый год я на Тавриду
И ночами снилось море среди гор.
Вот такая, несчастливая планида,
Сгинул отпуск... Лето... Стоп мотор.

Долго, нудно, я шаталась по квартире...
Вдруг звонок, в дверях... нордический корсар,
Грубоватый и похожий на де Ниро,
Приглашает посетить корабль – драккар.

Мы мотались по морям и океанам,
Брали золото с погибших кораблей,
Что нам вирус, мы боролись с ураганом,
Выживали в лапах скифских дикарей.

Мы встречали корабли из ниоткуда,
Беглых странников сбежавших в никуда,
Провожали пилигримов-словоблудов,
Избежавших гнев хозяйского кнута

Мы любили брызги волн и свежий ветер,
Я любила флибустьера из мечты,
Лишь один косяк был в «сладенькой конфете»
– Мне приснились приключения... и ты.

«Растворился дивный сон, усмешка утра...»

Растворился дивный сон, усмешка утра,
Охватило душу тяжкое из чувств:
Телевизор, кофе? Отпуск весь?! Полундра!
Что за вирус «подфартил», меняя вкус.

Я расвирипела, не на шутку точно!
Собрала вещички в старый чемодан,
Сарафанчик новый, щетку и платочек,
Два купальника и маленький стакан.

Ситроен, как конь заждавшийся в конюшне,
Тронул с места, да в карьер в заветный Крым,
Вез меня вперед к мечте и был послушен,
Маски, каски лишь для трусов. Мы летим!

Вечер. Солнце покатилося к горизонту,
Вот, Москва, встречает звездами Кремля,
Мы голодные спешим к бензоколонке,
Льем бензин и наливаем киселя.

За рулем устала, целый день молчала,
Подошли ребята, предложили квас,
Мы разговорились, вроде не нахалы,

Строю глазки херувимам, не таясь.

Тут звонок, мой телефон трещит, не к месту,
Говорит какой-то странный человек:

– Дом. Пожар. Горят подъезд с квартирой – вместе!
Я присела. «Где мой кров?» – я бомж навек!

– Как же буду жить? Без дома, но у моря?
И зачем поехала в горячий Крым?
Горе мне бездомному бродяге, горе,
Я забыла газ закрыть, мой дом сторит...

Испарились парни, втихомолку скрылись,
Просидела до утра я на скамье,
Мне московские бомжи в лицо хамили,
Верный Ситрик на стоянке спал, боец

По дороге на Ростов едва тащились,
Было грустно, настроение на ноль,
Стоит гнать? Когда нет дома. Чертовщина,
Если дом – машина. Эх, души мозоль...

Крымский мост! Ура! Приехали на море!
Здесь и солнце ярче, небо во всю синь!
Позабыла неприятности и горе,
В Ялте с Ситроеном, мы на пляж спешим.

А багажник распахнула... Где купальник?

Чемоданчик?... Саквояж? Откуда он?!
Я открыла рот, не рот, а матюгальник!
Не поездка, просто... «Боже правый!» – стон.

– Эй, красотка! – Обернулась, москвичи: «Родные,
У меня стащили чемодан, багаж.
Не везет, хоть тресни, наверное блатные,
Подложили старый, древний саквояж.»

Самый старшенький за плечи обнимает:
– Не реви, пошли в кафе «Мороженое»
Сразу легче стало, чую, сердце тает.
– Повторишь подробнее изложенное.

Заказали пиццу, ждем официанта,
Вдруг, я вижу рядом парень сел за стол,
В грязной робе был похож на арестанта,
Мой пират из сна, красив, пусть не король.

Тут забыла о потерях, бутербродах,
Полетела птичкой прямо в облака,
Проплывала я в небесных переходах,
Разводила тучки с видом знатока.

К звездам собралась, взлетая выше, выше...
– Девушка, простите, оплатите счет.
Говорю официанту: «Эй, потише!
Где же москвичи?» Исчезли, мне нечёт.
Ничего не понимая, в чем ошибка,

Побежала к морю, чтоб унять тоску,
Не свезло найти мне золотую рыбку,
Слезы отдавала морю и песку.
И не радовал закат почти в полнеба,

И соленая волна, и легкий бриз,
Вдруг на горизонте, появился лебедь?
Обозналась, шхуна! Недурной сюрприз.
Ноги подкосились, прислонилась к пальме,

С корабля на берег вышел мой пират,
Зашагал корсар, красивый и brutальный,
Сновидений друг и приключений брат.
Улыбаясь подошел и обнимая,
Мне вручил букет цветов и чемодан,
Молвил это розыгрыш, и напевая
Под руку повел в шикарный ресторан.

— — —

Солнца луч прошелся по щекам, ресницам
Разогнал ночную мглу и негу сгреб,
Просыпаюсь в Ситроене, мне не снится?
Значит, правда? Ресторан, пират и стёб.

Неужели разыграл пират жестоко?
А мой дом в порядке, даже чемодан!
Третий день в пути, на море – одинока,

Ежечасный надоел мне балаган.
Позабуду розыгрыш бездушный,
Лето крымское, ну просто благодать!
Оплетает теплым ветром, солнцем южным,
Хочется мне жить, пойду на пляж я, загорать.
Огоньки на теплоходе манят в море,
Деньги есть, беру билет до славных Сак —
Ералаш забудь. — я слышу контролера.
Музыка на палубе, гремит, как знак. —
Улетели все твои несчастья, дева.
Зеленеют воды, переходят в синь,
Ы — кричали чайки местного напева,
Катится с прибором сеточка морщин.
Абсолют пейзажный трогает до дрожи
И немного жаль мне мир и белый свет
Гаснет ажитация, до чего похожи
Росчерки природы, человечесий след.
Алые знамена показались в бухте,
Легкий и прекрасный нас нагнал фрегат
Ах, висок стучит и сердце в перепуге...

На корме не призрак, вновь стоит пират.

— — —

Пролетел мой отпуск как-то незаметно,
Горизонты крутят бесконечный фильм:
Море, нежные рассветы Крыма, лето,
И закатный обжигающий фитиль.

Ласковое море, пенные прибори,

Балаклава, Ялта и Бахчисарай —
Будете мне снится долгою зимою,
До свидания, душевный Крым, прощай.

Ситрик запыленный с пальмою прощался,
Завтра соберу бывалый чемодан,
А пират? На берегу один остался
Вымысел девчонки, парень – талисман.

Сказки нашего леса

Лелеет сказка

Единство добра и зла.

Сеемся чудо.

Бреду тропинкою лесною,
Щебечут птахи в вышине
И пролетают стороною,
Спеша в домишки к малышне.

Июньский день, прогретый солнцем,
Ласкает лес янтарным светом,
Березки прижимаясь к соснам,
Трепещут листьями под ветром.

И дуб с печатью превосходства,
Раскинет важно свой наряд,
Макушкой к синеве пробьётся,
Как добросовестный солдат.

А в полутьме, где запах пряный,
В болотце прячется туман,
Ползет нечистый, из преданий,
И насылает сон-дурман.

Быстрее ветра, без оглядки
По просеке, к лесной полянке
Бегу к реке, кричу в припадке,
Смываю Нежити обманки.

Ослаб мой страх, но вдруг... Шалею...
Деревья закачались в такт!

Ундина выплыла. Не мею.
Хвостом поводит. Артефакт!

Лесная дива смотрит грозно
Ехидный взгляд белесых глаз,
Сиреной несладкоголосой,
Аркинит мозг, дает приказ:

Спуститься в воду, вслед за нею,
На глубину, забыв про дом,
Про небо синее и землю,
Про тех, кто дорог, дураком.

Меня влечет к ней, я не трушу,
Желанье в голове одно —
Отдать Ундине жизнь и душу,
Стремленье делом скреплено.

Иду, скольжу, за брег хватаюсь,
Траву сжимает мой кулак,
Очнулся и не понимаю,
Что, где и как пошло не так.

Исчезла дева, как в кино,
Зловонный слизень плыл в реке,
Затрясся и залег на дно.
Я папоротник жму в руке.

Недаром бабка говорила,

Его цветок спасёт от чар
Русалок и нечистой силы,
Живущих в реках среди чаш.

Спешу домой, но что за дело?
Откуда озеро взялось?
С утра росли березы, ели,
Сейчас вода, полно стрекоз.

Вот, чертовщина несусветна!
Закатный плещется костер,
Я засыпаю незаметно.
А месяц рожки распростер.

На острове, вот это диво.
Мне виден белый силуэт,
Я прячусь за валун трусливо,
Смотрю, жалею, не поэт.

Глаза, искрящиеся свечи,
Белее мела, мрамор рук,
Хочу ласкать я эти плечи,
Ловить тепло. Но слышу звук.

Я ей машу рукой призывно,
Забыв про страхи сего дня,
Тут налетает смерч всеильный,
Уносит деву от меня.

Протер глаза, вновь лес привычный,
Я подобрал свой телефон,
Пошел домой, все как обычно,
Но этот сон, совсем не сон.

Иду домой, деревня справа,
Стоит за ельником, в полях,
Знакомый мостик, переправа,
Лягушка плачет на камнях.

Кукушка не жалеет годы,
Устал считать, не пять, их тьма,
Косой мелькнул, шалун природы,
Гадюка вьется, как тесьма.

В малиннике медведь лохматый
Кряхтел, как дед, и бормотал,
В тени кустов храпел сохатый,
Лесной рогач и маргинал.

Решил не собирать малину,
Пускай мишель ест без меня,
Я нагужу грибов – корзину,
Сморчки, строчки на злобу дня.

Грибочки греют душу, сердце,
Я развожу костер в лесу,
Хочу поджарить с солью, с перцем,
Кусочек хлебushка грызу.

Вдруг, слышен треск ветвей и шорох,
Передо мной сосед с ружьем,
Он егеря леса, местный сторож,
Грозит мне пальцем: «Лес сожжешь!» —

Не парься.— Говорю, земеле,
Сейчас напитком угощу,
Мы под осинкою присели,
Беседа потекла про шук.

Мы вспоминали школу, детство,
Макарку, что телят гонял,
Девчонок, живших по соседству,
Антоху, и его фингал.

Закончился напиток крепкий,
Пора давно уж на покой,
Закат сиял в багровых ветках,
Собрались с егерем домой.

Светила жестким стальным светом
Луна. Крутилась колесом.
Мы пели с егерем дуэтом.
Идя по лесу напролом.

Добрались, дом, моя калитка,
Сергей прощается бубня,
Ну, вот, же надо? Что за попытка?

Забыл я телефон у пня.

Сергея вызвался со мною
Вернуться в этот странный лес,
Пошли по тропке, за спиною
Шуршала взвесь ночных существ.

Мы заблудились, егерь сбился,
С проторенной людьми, тропы,
Идем наощупь, парень злится,
Ломаем сучья и кусты.

Вдруг, показался замок старый,
И в башне светится окно,
Подходим ближе, двор, дендрарий,
Устали мы, не чуем ног.

Не заперты ворота, двери,
Переступаем за порог.
Выходят к нам лесные звери,
Лиса, кабан, облезлый волк.

Кричим: «Эй, люди! Где вы?
И слышим цокот каблучков,
Я вижу облик милой девы,
Знакомой с сонных островков.

От красоты мне сводит скулы,
И хочется воды глоток.

- Зачем пришли ко мне?
- Кивнула. Зверушек треплет за бочок..

Закрыла их в своем зверинце.

- Устали парни? Перерыв.
- Попробуйте живой водицы.
- Серегу слушал, рот открыв.

– Не бойтесь, я простая ведьма,
Но вас не трону, люб Сергей,
В лесу давно его приметив
Я защищаю от чертей

Возьмите мой клубочек ниток,
К родному дому приведет,
Для оберега, вот вам свиток,
Вся нечисть сразу отпадет.

Пошли мы молча, что тут скажешь,
Деревня показалась вмиг,
Лежала на скамье пропажа,
И белый всадник нас настиг.

А утром... Сладкая подушка,
Крадутся лучики по мне,
– Пора вставать! – часы с кукушкой
Вещают с солнцем наравне.

Хватаю ведра, полотенце,

Бегу на речку за водой,
Вот, ельник, я по-диссидентски,
Миную справа, не герой.

Вода рябая освежает,
Ночные подвиги забыв,
Прилег в траву, та ласкает,
Природа – мой аперитив.

Осознаю, меня кусают,
Какое солнце, соловьи!
Ногами дергаю, как страус,
Покрыли черти, муравьи

Напали целой кучей – разом,
Бегу вприпрыжку я к реке,
Мечтая коллективный разум,
Водою смыть, валюсь в рывке...

И попадаю в муравейник,
Горит мой оголенный нерв.
Придумал муравьев, затейник,
В реке спасаюсь, жалкий червь...

Я дома маялся неделю,
Забыл про лес, и про дивчин,
И Санька, местный пустомеля,
Принес спасенье супрастин.

Барабанит пальцами по крыше
Нервный дождь. Стучит в мое окно.
Пригрозит грозой и в затишье,
Разомкнет ночное полотно.

Поутру, стеной прольется ливень,
Заливая улицу и дом
И застынет кадром объектива,
На весь день, смывая день дождем.

А под вечер туча унесется,
Ветерок развеет небеса,
Просочится свет и лучик солнца,
Заблестит пламенем, искря.

Засверкают капельки на соснах,
На листочках свежих и траве,
Радугой сползая по березам,
Звездочками вспыхнут в синеве.

А по крыше скатится ворона,
Станет мне теплее на душе,
Грусть уйдет закатною короной
И растает в летнем витраже.

В лесу под кронами деревьев,
Прохладно летом даже днем,
Здесь птахи, гомонят напевно,

Свободу чувствуют нутром.

Кукушка прочит безучастно,
Подкинув кукушонка в мир,
Сорока мельтешит развязно,
Трещит, одетая в мундир.

Синички прячутся средь веток,
Азарген старый воробей,
Нахал ворует у соседок,
И исчезает поскорей.

Топорщится под пнем коряга,
А это замер, серый еж,
Рискнул он выйти днем, бедняга,
Лиса поблизости. Он ждет.

Еловой веткою прикрылся,
Сердитый заяц, и дрожит,
А в чаще волк голодный, рысью
Гоняет по лесу. Кружит.

Притихли птицы, звери, ели,
Не шелохнется даже лист,
Садится солнце, лес темнеет,
Лишь слышен соловьиный свист.

Когда туман наполнит землю,
Войдет в права глухая ночь,

Я непонятым чувствам внемлю,
Иду, как кот, из дома прочь.

На край деревни, вдоль забора,
В особняком, стоящий дом.
Наличником с резным узором,
Прикрыты окна, как щитом.

Изба увязла по оконца,
Фундамент треснул кое-где,
Лишь укращают веретёнца,
Столбов, светящихся над ней.
В избушке баба Зина правит,

Торчат клыки и нос дугой,
Очки в немислимой оправе,
Соседи нарекли Ягой.
Она и травки собирает,

По звездам даст совет, как жить
Цыплят по осени считают,
Люблю я с ней поговорить...

Мы засидимся до рассвета,
Под сказки бабушки Яги,
О нечисти лесной, приметах,
Глядя на звезды, светляки.

А утром небо потемнеет,

Исчезнут птицы в вышине,
Затихнет царство Берендея,
Растет томленье в тишине.

Ни ветерка, ни дуновенья,
Исчезнут мухи, комары,
Растет предчувствие движенья,
Лишь слышен тонкий писк беды.

И началось... Кружится небо,
Кружится лес, кружится двор,
Ненастье с ветром налетело,
Скажу, не ветер – перебор.

Затишье рвется за секунду,
Ревет, стегает ураган,
Подвержена природа бунту,
И попадает в свой капкан

Скрипят курчавые березы,
Ложатся сосны до земли,
И вышибает ветер слезы,
И мир погас, кружась в пыли.

Смотрю в окно, летает мусор
И слышен непрерывный треск,
Не выдержав таких нагрузок,
Взлетает птицей мой навес.

А следом уплывают вещи,
Коробки, старый инструмент.
Застряв на дереве, трепещет,
Как тряпка, стонет мой брезент.

Срывает доски половые,
Несется вихрь на дом. И тут...
Стихает ветер. Штормовые
Последствия меня гнетут.

Решаю малость осмотреться
Потери посчитать, прибрать.
На месте бывшего навеса,
Торчит железка – рукоять

Проржавленная до износа,
Не ухватиться мне никак.
Подкапываю. Ящик. Тросом
Подхватываю. Это ж клад!

Снимаю ржу. Красивый ларчик,
С узорами, под старину,
Наверно, раньше был поярче,
Замок – ни сбить, ни сковырнуть

А любопытство распирает,
Что там внутри? Алмазы, деньги?
Я разобью! Терпенье тает
Но вижу кнопку! Жму!

Коленки

Дрожат, не справиться с волнением.

Тут, что-то клюкает, скрипит,

Открыт ларец в одно мгновение...

Внутри бумаги, карта, бинт.

А в этих пожелтевших письмах,

Стихи, былины и печать

Парнишки Ваньки – гимназиста,

Что жил здесь лет так дцать назад.

Бинтом укутано колечко

С короной, сердцем, парой рук,

Вот, повезло! В глухом местечке

Найти стихи, кольцо, сундук

.Кладдахское кольцо [L – тип ирландского кольца, которое преподносится в знак дружбы, как обручальное. Кольцо изготавливается в форме пары рук, которые держат сердце, увенчанное короной.

Решил с Серегой поделиться,

Вдруг, что подскажет, он, как брат.

Я выхожу, беру вещицы.

А в небе вороны кружат.

У изгороди на дороге,

Сидит огромный черный кот,
Глазами ест гнездо сороки,
Я дал засохший бутерброд.

Тот встрепенулся, облизнулся,
В секунду бутерброда – нет.
Немного, правда, поперхнулся,
И побежал за мною вслед.

Сергея рот открыл в азарте,
Увидев доки и кольцо,
Рассматривал значки на карте,
Переменилось вдруг лицо

. – Смотри, у озера поляна,
Отмечена большим крестом.
Там баба Зина из бурьяна
Плетет корзинки для грибов.

Идем мы в лес, терзает тайна,
Колечка, карты и креста,
Попались вещи не случайно...
А там бабулечка Яга.

– Что ищете в лесу ребятки,
Решили рыбку половить?
А где же удочки, манатки?
Мы показали реквизит.

Старушка шепчет изумленно:

– Не думала, что это быль,

Моя прабабка говорила...

Придвинув старенький костыль.

– Давным-давно, здесь жил помещик,

С сынишкой вместе, без жены,

Однажды, сын его, насмешник,

Влюбился в дочь самой Весны.

Ванюшка, девке приглянулся

И завертелось колесо,

Пообещал он ей вернуться,

Вручил ирландское кольцо.

А сам уехал на учебу,

В столичный университет,

Женился, пряткий недотепа,

А дочь Весны сошла на нет.

Рыдала девушка от горя

И слезы стали озерцом,

В русалку превратилась вскоре,

Оставила в лесу кольцо.

Ванюшка прикупил заводик,

Не знал, про смерть, писал стихи.

Вернулся только через годик

И понял. Что дела плохи.

Как-будто потерял рассудок,
Нашел у озера кольцо,
Запил запойно, беспробудно,
Жена сбежала от него.

Однажды ночью сон звенящий
Пришел к Ванюшке из озер,
Услышал голосок манящий,
Ушел за песнею и всё...

Надолго замолкает Зина,
Вспоминанья морщат лоб,
И падает из глаз слезинка,
Пробрал Ягу волной озноб.

– А стало быть, я буду внучкой,
Моя прабабка будет дочь
Ванюшки и жены, закручен
Сюжет судьбой, и не помочь.

Тут черный кот, откуда взялся?
Мяукнув, прыгает с сосны,
Три раза обернулся, сжался,
Ундиной стал, дитем Весны.

Мы с Серым онемели разом,
Вот, это да, каков расклад.
Красавица: глаза – алмазы,

А кожа – шёлк – волнует взгляд.

Старушка говорит Ундине:
– Прости, что Ваня обручен,
Не знала бабка и в путину
Сбежала, родила потом.

Ундина молвит: «Не сержусь я,
Все дело в КлАддахском кольце,
Корона давит вниз, а сердце
С руками держат в озерце.

Отдайте мне, мою свободу,
Я улечу в далекий край,
Фантомом растворюсь в природе.»

Кричу: «Нет, нет, не исчезай,
Останься, ты, как день, прекрасна,
Затмишь свечение светил!..»

Отдал кольцо.
Вся жизнь напрасна.
Но что же делать, полюбил...

Летел блестящий шар к зениту,
Идем мы молча, по домам,
И ели цвета малахита,
Печально взмахивают нам.

И в каждом шелесте травинок,
И в каждом хрусте из под ног,
Мне чудится напев Ундины,
И серебристый голосок.

Тенистый дуб кивает нежно,
Аляповатый клен – не в такт,
Напеву подчиняясь спешно,
Елозит ветками, чудак.

Цветами полные полянки,
Стрекоз встречают. Веселясь,
Танцуют парами, вакханки,
Руно пыльцы плясуньям всласть.

Еловой веткой прикрываясь,
Кружат вертуньи вверх и вниз,
Огромный мир преображаясь,
За вальсом ветрениц следит.

Мелодия Ундины льется
И слышат все, не только я,
Серега вспомнив благородство
Колдуньи замка, рассмеясь,

Отправился к вещунье в гости.
Старушка Зина взяв костыль,
Бурчала тихо: «Ох, прости!»,
Крутила куль из бересты.

Брожу один лесной тропею,
Душа страдает от любви,
Несбывшейся, и сердце воет,
Себе кажусь я неживым.

Среди деревьев вижу облик
Русалки милой, ореол
Из золотой пыльцы, и с воплем
Опять я к озеру пришел.

Смотрю, на воды голубые
Любуются в нем облака.
Кувшинки плавают, а в тине,
Щуренок ловит окунька...

Иду вперед я, заглушаю
Боль раны сердца и тоску,
И вот, вода уже по шею,
А я иду, иду, иду...

Болотцем пахнет, где Ундина?
Не понимаю, я на дне?
И где Серега, Баба Зина?
Сижусь я, прислонившись к пню.

А мимо сойка прошмыгнула,
Кусает руку муравей,
Ласкает ветками багульник,

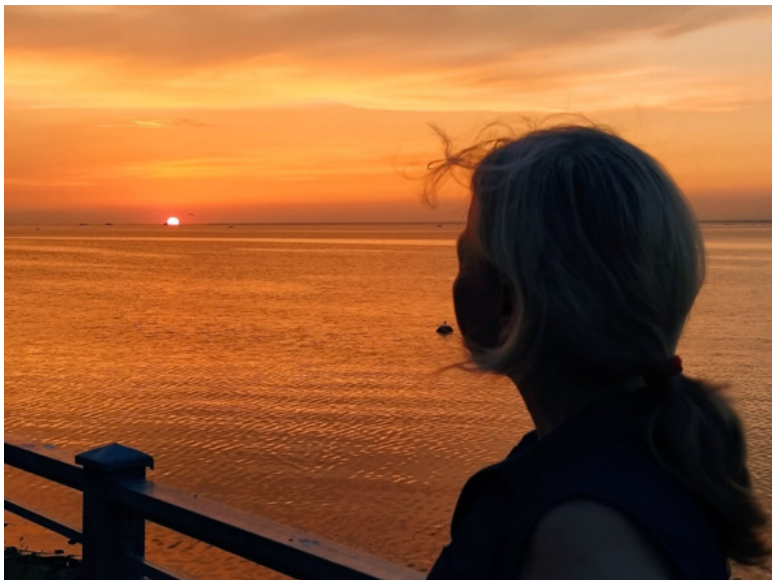
Проснулся, что же делать мне?

О, неужели все приснилось,
Друзья, кольцо и дивный лес,
Моя любовь, мое бессилье,
Нет, наша жизнь полна чудес!

Я подхожу к своей избушке,
Мой отпуск только начался,
Щебечут звонкие пичужки,
И кот мурчит, хвостом форся.

Серегу вышел из подвала,
Несет огурчики к столу,
Сегодня ждет Иван Купала,
Сегодня кум я королю.

Закат

Золотится закатное небо,
Горизонта и сказка. и блажь.
И хватает за душу, зацепит
Городской небанальный пейзаж.

Заискрится мой день, заблестает,
Позабудется горечь обид,

Я проедусь на новом трамвае,
Просто так, позабыв про Ковид.

Панорамные окна и маски,
Но кондуктор, как прежде сидит,
В этом городе старой закваски,
Все смешалось, мой город-гибрид.

Небеса покрывалом парчовым
Застилают проспекты, дворы,
И закат, отдавая швартовы,
Мне шепнет: «Отдохни до зари».

Марина Зонтикова

Ох, ты Русь моя – Россия!

Ох, ты Русь моя – Россия!
Ширь. Бескрайние леса!
То берёзка, то осина,
То сосновая стена.

Вдаль бегут поля ромашек.
В них мелькают васильки.
Ну а сколько там букашек!
Пташка, не ленись, лови!

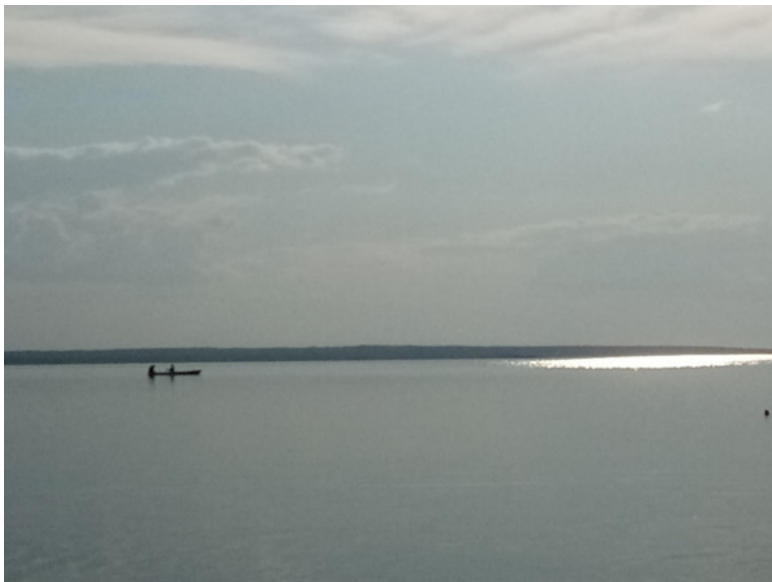
Над полями синь бездонная,
Проплывают облака.
Ветер озорной взволнованно
Гонит их издалека.

Солнце плещется в лазури,
Льётся золотым лучом,
А под вечер, над деревней,
Полыхает, как огнём.

Ох, ты Русь моя – Россия!
Я люблю тебя, как мать!
В красоте твоей вся сила!
Ширь твою мне не объять!

Юлия Кабиокова

Чёрмозский пруд

На серебряной глади нашего пруда
Солнце играет в бликах со мной,
Ветер дует сегодня нам с юга,

Чайка кружит над тихой волной.

Плещутся рыбы в солнечном свете,
В игры свои играют мальки,
На берегу песочек прогретый,
Лодку готовят бывалые рыбаки.

И до заката будет искриться
Гладь широкая нашего пруда,
В Чёрмозе есть чему подивиться,
Вот поэтому я не уеду отсюда

Денис Кабиоков, 7 лет

Сказка. Возвращение блудных гусей

Жили-были гуси: Гайка, Винтик и Ломайка. Однажды темной холодной ночью они залетели в окно дома и сломали ночник. Хозяин проснулся от шума, попытался зажечь ночник – не получилось, тогда он включил фонарик на телефоне и огляделся: – Кто здесь? – раздраженно спросил он. Никто

не отозвался. Гуси к тому времени уже улетели в конюшню. Хозяин махнул рукой и лег досыпать. Только утром он понял, что неведомые ночные гости сломали ночник. – Жаль. Придется выкинуть, – сам себе сказал хозяин. Днем он купил новый ночник. Вечером решил проверить, работает ли ночник. Вставил вилку в розетку, и ночник очень ярко осветил комнату, как солнце. Так и лег спать со светом. Гуси увидели свет в окне, залетели в комнату и сломали телевизор. Хозяин проснулся, огляделся: – Почему это телевизор на полу?

Подошел ближе и увидел, что экран сломан: – Утром отнесу в мастерскую. Вдруг удастся починить. Хозяин долго думал о том, кто ломает технику. Сосед подсказал посмотреть под окнами. Хозяин посмотрел и обнаружил следы гусиных лап и перья. Тогда он пошел в конюшню, отругал гусей и выгнал из дома. Гуси улетели. Хозяин стал жить спокойно: никто не просил еды, не ломал технику, не топтал грядки, не щипал соседских детей... Но, однажды, хозяин понял, что скучает по пернатым проказникам и тревожится за них. Гуси же, почувствовав свободу, летали по всей стране, пако-стили по мелочам и питались, где придется. И вдруг, Гайка сказал: – Я устал от этой свободы, устал есть вредные булki и чипсы, которыми нас кормят дети, устал от того, что нас никто по настоящему не замечает и никому мы не нужны. – Да. Хозяин меня всегда больше всех ругал, но за дело, никогда не бил и кормил вкусно, – грустно добавил Ломайка. – А меня хозяин храбрым называл. А иногда сядет на крыльцо,

подзовет к себе и рассказывает про жизнь свою и про всякое разное. А давайте обратно, домой... – предложил Винтик. – Думаешь, он нас простил? – Ломайка неуверенно переступал с лапы на лапу. – Даже если и нет, мы скажем, что перестанем хулиганить и будем его слушаться. И гуси полетели домой. Хозяин копался в огороде. Сильно захотелось пить. Он повернулся в сторону скамейки, на которой стояла бутылка с водой. И увидел трех потрепанных гусей, виновато глядящих на него. – Вернулись, хулиганы мои?! Вот я вам всыплю! Марш в конюшню, сейчас буду вас кормить!

В конюшне Гайка поделился с друзьями: – Слова грозные, интонации строгие, но глаза блестят от радости. Зуб даю, простил он нас. – Да мы уже итак поняли, – хором отозвались Винтик и Ломайка. С тех пор хозяин и гуси стали жить дружно.

Сергей Карпеев

Сальванс

Вершины гор закрыты снежной вьюгой
Не подойдёшь к ним так в свободный час
И вознесён наверх священной мукой
Грааль хранится на горе Сальванс

Священна чаша, кровь хранит живую
Что не исчезла в прах и пыль веков
Хлестала кровь из ран напропалую
Но даже смерть Христос простить готов

Изведав путь хозяина житейский
Поняв всю силу мудрости святой
Из ран Иосиф свет Аримафейский
Собрал всю кровь по капле до одной

И ангелам отдал: – Вы кровь несите
Она несправедливостью красна
Грааль на счастья людям сохраните
Ведь это кровь распятого Христа

Легенда не исчезла в снежных выюгах
Язык пророков нам её хранит
Держа Грааль Христову на поруках
Гора Сальванс о вечном говорит

Что было и что будет нам не ведать
Не расплескать бы этот Божий дар
Пока стоит Грааль пусть не сорвётся
Земной, летящий по орбите шар

Музыкальный учебник философии

За окном стучал надоедливый, нудный дождь. Эти падавшие в лужу капли были единственным признаком жизни, единственным маятником, отмечавшим время, единственным звуком долетавшим до Насти из всех земных шумов. Сколько сейчас времени она не знала, она видела лишь только мрак и безмолвие. Часы что ли остановились в большой комнате, даже хода стрелок не слышно? А раньше были такими точными и правильными и ещё строгими, как старый учебник философии в ящике маминого стола. Впрочем «учебником философии» это её Настю так называет Женька считая свою соседку чуть ли не самым серьёзным человеком на Земле. Возможно раньше, ещё два года назад она токовым и была как – никак работала в школе и дети её, кажется, любили. На её уроках литературы за окном на время замирал мир, так ей тогда казалось, а теперь? Инвалидная коляска, красная подушечка на коженном чёрном потёртом сидении и четыре колеса вместо ног, а на них за пределы родной Казани выехать никак невозможно, как не старайся хоть выпрямись, хоть закутись в немислимый жгут. А ещё этот негромкий, стеснительный стук в окно Кого это к ней несёт почти ночью? Тогда, два года назад, в «газоне» тоже что-то стучало, но он медленно обогнул привокзальную площадь, и свернул вправо на дорогу. Преодолев бугристый

объезд «газон» мягко покати́л по асфальту. И тут...И всё равно тот шофёр который вылетел им на встречу не был подлецом. Вернее он тогда ещё не был подлецом. Подлецом он стал потом, позднее когда ни разу ни пришёл к ней в больницу, и даже помощь никакую не предложил, копейку для неё, для Насти, побоялся от сердца оторвать. «Не все люди хорошие, есть и сволочи» – сказала тогда мама. А всё —таки кто же это может стучать ночью? Наверное, Женька, опять потерял ключи, вечный он растеряха! Хорошо, что не так давно он дал Насти запасные ключи от своей квартиры, так на всякий пожарный случай.. Две недели назад вот таким же тёмным вечером, когда, парень явился к ней с той же самой бедой они с ним выясняли очень актуальный вопрос; – Что такое любовь? – Как ты думаешь, что такое любовь, – спросила тогда Настя – Любовь? Не знаю, – замялся Женька, – нет знаю, любовь это кирпичём по голове. – А у тебя есть? – пытливо посмотрела на него девушка. – Не отыскал ещё, – невесело усмехнулся сосед по лестничной площадке, – Найду, какие мои годы. – И у меня нет, и не будет, а мне через две недели стукнет двадцать девять лет, это много или мало, – не знаю. Хотя вру, у меня есть тень любимого имени – Почему только тень? – Потому что настоящее любимое имя исчезло. Раньше было, а теперь нет – Пушкин или Тургенев, а может Куприн, вон какой у тебя большой выбор, не каждой девушке, в твоём возрасте, так везёт. – Нет, у него было очень простое, незаметное, русское имя Коля Савельев, а по-

том, я вдруг совершенно неожиданно выпала из седла жизни и рядом с ним тут же появилась Светлана Я не обижаюсь, нет. Тень – то всё-таки осталось, а тень это мои воспоминания о нём, хорошие или плохие, но всё равно воспоминания. Он тоже очень любил литературу, только больше зарубежную. И музыку тоже любил, например, обожает Битлс, а ей Настя немножечко нравится Гендель и та песня, которую она впервые услышала на свадьбе брата у неё тогда уже была травма позвоночника то есть был перелом в позвоночном отделе позвоночника. Он и сейчас никуда не делся просто Настя стала о нём меньше думать. На той свадьбе Настя выпила первый свой большой, граненый стакан водки и тут же на время простившись с изнуряющей болью отправилась лицезреть сны. Пусть чёрно-белые, но до ужаса замечательные где сам Александр Иванович Куприн дарил ей, простой учительницы литературы, свой гранатовый браслет и почему-то то и дело доставал из кармана куриные, варёные яйца. Уже гораздо позже Настя анализируя свой сон и мысленно раздирая его на незначительные лоскутки и тряпочки поняла что эти самые яйца принадлежат тёти Нади – маминой двоюродной сестре. Старушка эта часто заходила к ней в палату, потому что жила через дорогу от больницы, и приносила только одни вареные яйца. А между тем у подружек в палате холодильник уже отказывался закрываться до краёв наполненный различными, домашними вкусностями. А потом во сне снова появился двоюродной брат Гена с тем же самым гра-

нёным стаканом водки в руке и снова предложил выпить: – Только не пей до конца. Упадёшь! – сказал Гена – Куда же падать? – ответила девушка, – И так уже на диване лежу!

И опять во сне, до дна, выпила этот злополучный стакан до краёв наполненный отвратительной, обжигающей жидкостью. И опять проваливалась в сон. На этот раз во сне звучала та самая песня, наверно, красивая, но Настя запомнила только припев:

На абортаж беда, берёт нас иногда, Идёт, идёт девятый вал, но ты держи штурвал

И пусть идёт девятый вал

Но ты держи штурвал

Держать штурвал это и есть, наверно, самое главное в жизни подумала тогда девушка. Наконец в замочной скважине зазвенели ключи это с ночного дежурства пришла мама. Уже два года мама работала в охране одного очень нужного стране объекта, который в народе назывался «стройкой века» Серую эту девятиэтажку у леса на самом краю города начали строить ещё в восьмидесятых годах прошлого века. Начать-то начали, а вот закончить до перестройки не успели, а уж потом не до этого было. Покатилась колесо истории по ухабам, по оврагам земли русской грустное, скучное, одинокое, как степь зимой, а всё равно так и катится, не остановишь, не уймёшь. Отец Насти развёлся с мамой когда девочке не было и трёх лет. Настя помнит, как папа, когда был в приподнятом настроении качал её на ноге напевая себе

под нос песенку про космонавтов которые посадили яблони на Марсе. А потом вдруг не стало ни, папы, ни космонавтов, осталось одна мама, которая потом ещё долго поливала ночами подушку в своей комнате. А утром Настя иногда боялась поднять на неё глаза до того опухшим, и страшным казалось мамино лицо тогда. Потом мама повеселела устроилась на работу и даже стала откладывать на машину, потому что папа, видимо вспомнив о дочери, начал присылать деньги. Сначала этот финансовый ручеёк был небольшим, вялым потом дела у хозяина автомастерской пошли лучше и благодаря папиным подношением в непрочном бюджете семьи иногда заводилась лишняя монетка. Об этом Настя узнала совсем недавно когда услышала случайно разговор двух маминых подруг просто окно в сад было открыто вот и всё, она даже и не пыталась подслушивать. Беседка, чай и две мамы одноклассницы, а совсем недалеко от них маленький человек у стола в гостиной. Человек в инвалидной коляске. Малышня во дворе тарасила на девушку глаза и ничего не понимала. Зачем она такая, сидит себе в кресле на колёсах? Ведь ничего этого не было раньше, а было всё совсем наоборот вместо всего этого непонятного была весёлая, добрая Настя которая просто так давала ребятам мороженое и качала их на старых, дворовых качелях. ... Что же, куда делась та весёлая девушка? Или может весь двор теперь ничего не понимает? А Настя теперь не умеет даже смеяться, вон какое стало у неё строгое, сосредоточенное лицо? Как же это могло

у неё лицо перевернуться? Или она нарочно всё врёт и выдумывает? Зачем?

А еще хмурый толстый Валерий Олегович из сорок пятой квартиры однажды подошёл вплотную к девушке, когда она гуляла во дворе, и громко, чётко выделяя каждое слово, сказал, все ребята слышали: – Если бы я стал такой, я бы повесился. Юрка Сизов тут же засмеялся, потому что представил, как эта толстая груша будет болтаться на верёвке и какая верёвка её, эту самую грушу, сможет выдержать. У входа в подъезд стояли мужчины, те самые которые помогли девушке спустится с третьего этажа на улицу, понятное дело сидя на коляске это сделать не просто, и без посторонней помощи тут никак не обойтись. Мужчины курили, разговаривали и один за другим уходили. Один из них проходя мимо Валерия Олеговича что-то сказал ему. Толстяк пятернёй откинул назад тёмную прядь волос и зло сверкнув на мужчину глазами быстрыми шагами направился в сторону подъезда. – Он обиделся что ли на дяденьку, – дернула Юрку Сизова за рукав девчонка из соседнего подъезда

–Конечно обиделся, – уверенно сказал Юрка, – Мой папа работает, и твой тоже, а дядя Валера отдыханцем всегда хочет быть, а если бы он на таком аппарате как тётя Настя всегда сидел как бы тогда он отдыханцем был? – Кто ж ему столько путёвок даст, – удивилась девочка – Зачем ему путёвки, – улыбнулся Юрка, – Он – сын директора – Директора чего? – Не знаю, мне дедушка не рассказывал. Наверное, ка-

кой-нибудь космической межпланетной станции, – при этих словах мальчик поднял палец вверх и посмотрел на небо. – Простудитесь тут, ребята. Идите домой, – крикнула с балкона чья-то бабушка. Юрка подмигнул девчонке и побежал прочь в подъезд. Насте нравилось гулять во дворе, но только иногда мешали такие вот Валерии Олеговичи. Как-то раз во дворе к ней подошла девочка лет четырёх, этакая большеглазая куколка в голубеньком платье с кружевами, и очень вежливо поинтересовалась, нельзя ли ей покататься на такой чудо-коляске. Настя так же вежливо объяснила ей, что, к сожалению, нельзя, потому что тогда хозяйка просто упадёт на землю и будет лежать пока... – Мама не придёт, да? – спросила девочка – Анжелика!!! Иди сюда! – Мать стрелой бросилась к девочки, схватила за руку, и потащила прочь, – Тетя на коляске маму не слушалась и такой стала. Вот ты не будешь меня слушать, тоже такой станешь. Сколько раз предупреждала тебя, не разговаривай на улице с незнакомыми, – выговаривала она ей на ходу. Однажды под вечер, когда Настя нагулявшись уже собиралась отправиться отдыхать, к дому подъехала машина. Водитель выпрыгнул из кабины и подойдя к девушке вынул из кармана, и протянул ей две красные купюры: – Десять тысяч вот. Возьми, жалко тебя. Пока Настя соображала что к чему, и какому богу говорить спасибо за этот драгоценный подарок водитель сел в машину развернулся и сейчас же уехал. «Вот бы сейчас увидеть Женьку он любит командовать и давать советы. Он бы точно

посоветовал куда девушке деть эти неожиданно свалившиеся в руки деньги» Настя была так занята своими мыслями, что не сразу заметила, как открылась дверь подъезда и перед ней появился Женка. Внимательно выслушав невероятную историю о денежном чуде Женька посоветовал отдать это чудо в какой-нибудь благотворительный фонд, а лучше всего в «Нежный взгляд» где сейчас волонтером работает очередная его пассия и которая позавчера говорила Женьке что этому фонду позарез нужны слуховые аппараты для того, чтобы сделать капельку счастливыми трёх-четырёх глухонемых ребят. Настя кивнула головой тихо, одними губами, прошептав слово «можно» и часа через полтора к ней в квартиру влетел сияющий Женька с большим пакетом в руке. А дальше была больница, а за ней операция. На операции было много, много света и неясный шепот хирургов. Потора часа между жизнью и смертью, полтора часа выхода из реального наполненного печалью и радостью мира, полтора часа веры в лучшее. А потом у учительницы литературы случился больничный роман..... с Павлом Корчагиным У Паши был перелом ключицы в следствии неудачного падения с детских качелей а еще порок сердца. – Какой, какой пророк? – шутливо спрашивала его девушка, – тебе ладонью непослушные вихры на голове парня. – По – разному: кто говорил, что аорта, кто – ещё не знай чего. – Почему же раньше не стал оперироваться, сам же говоришь, с детства у тебя это?! – Без толку. На столе сказали, помрёшь, – грустно посмотрел на неё

парень и тут же выдал ни то стих, ни то частушку: Что ж я маленьким не сдох, А теперь уж не дай Бог.

Хотя сейчас всякая таблетка во мне место находит. Вот такие вот пироги с котятами. Однажды в старый больничный сад забрёл пожилой фотограф. Увидев его Павел повеселел и едва передвигая затёкшие от долгого сидения ноги направился к мужчине. – Дело такое, – негромко сказал он, – поскольку я вижу у вас фотоаппарат, – хотя и немножко устаревшей модели, наверное, ещё с чёрно-белой плёнкой внутри так нам с моей подругой здесь быть нельзя, – показал он глазами на больничный сад, – а можно быть вдвоем только на той фотографии, которую вы сейчас сделаете и нам подарите. Идёт? – Ну, там посмотрим. Буду здесь больных снимать пока не надоест А уже сюда несколько лет хожу, так каждый согласится домой карточку отправить, работаю я бесплатно, ну, или за небольшую плату тут уж как получится. Откуда у людей в больнице деньги заведутся сами подумайте, молодой человек? – Ну, бесплатно, так бесплатно, – обрадовался парень, – Мы с удовольствием. Так и осталось у Насти в домашнем альбоме эта фотография. Больничный сад и скамеечка в этом саду на краешек которой стесняясь едва присел Паша рядом «трон» на колёсах на котором воседала девушка с букетом жёлтых, осенних листьев в руке. Дворники тогда и не думали бороться с этим невиданным листопадом. Иногда открывая альбом и легко покачиваясь на волнах необузданной памяти девушка, казалось,

в сотый раз слышала знакомую присказку, -«что ж я маленьким не сдох....»

Слава Богу закончилось всё успешно хотя ходить Настя, конечно, не стала просто по возвращению снова встретилась со своей коляской Девушка уже совсем перестала ждать чего-то хорошего от жизни и вдруг в её квартире появился маленький Юра Сизов: -Тетя Настя, – весело закричал он тыча указательным пальцем в газету, – Вот, конкурс музыкальный для людей с этими..... с возможностями неполными. – Ограниченными? – поправила мальчика Настя. – Ну да, я и говорю симпатичными, – улыбнулся Юрка, – попробуйте а? Вы же на пианино играете иногда, мне за стенкой слышно. Конечно, вы не дядя Денис Мацуев, который пианист по телевизору ну зато вы наша дворовая, знакомая, значит. Всем своим существом Юрка был горд за соседку и эта неопишуемая гордость радостно кружила ему голову. Настя действительно когда-то давным-давно ходила в музыкальную школу по классу фортепьяно, (и откуда этот Юрка всё знает?!) но больших успехов в музыке от неё, кажется, не кто не ждал, да и она сама тоже. «А что, если просто так взять и попробовать, проявить себя в конкурсе» – вдруг мелькнула шальная мысль, – «ведь получалось же у неё что-то?!» – Подумав немного девушка решила попробовать подбратся к своему давно забытому инструменту. Пальцы коснулись клавиш. Когда последние ноты дрогнули смутным недовольством и жалобой Юрка взглянул в лицо девушка и увидел

вдруг замер откинувшись на спинку дивана и представил себе на мгновение эту невиданную картину художником которой была девушка сидящая рядом:

Спит медведь. Берлога с ёлкой, Домик муравья

Ночь медведя будет долгой

Знаем ты и я

В светлом сне малина будет, Сотен пять кустов

Сон малину разбудует, Выше облаков

Там малина. Выше мошек, Чтобы их дразнить

Дайте дети в сон ладошек

Ягод положить.

Через три дня во дворе её встретил Женька: – Ты не очень торопишься? – слегка волнуясь и краснея спросил он. – Нет, – засмеялась девушка, – Мне торопится некуда, моё кресло при мне. – Надо поговорить? – пойдём, присядем на скамейку у забора. Настя легко остановила свой транспорт у забора, Женька примостился рядом на скамейке: – Вот если любовь это не...

– Вот если любовь это непонятно что? Если любовь это, как взрыв, как вулкан, как стихийное поползновение льдов на реке Лене, – Начал Женька, – То, как понять, что я её люблю? – Кого? – Да, Таню с параллельного потока. Как это понять, как определить это?

Подумав минуту, Настя произнесла: – По блеску глаз. Я только один раз, ещё до травмы, видела такой блеск глаз. На меня на лице стоял и смотрел молодой человек, долго

смотрел, внимательно, заинтересовано А я тогда не отреагировала никак. Потом мы с ним встретились ещё раз, уже в автобусе он спросил, – «Сколько мне лет?» Я почему-то ответила, что сорок четыре, хотя мне, едва за двадцать тогда перевалило Теперь до сих пор жалею, что с этим парнем тогда не познакомилась. . . . Хотя мне сейчас и не до этого, молодой поколение просит в музыкальном конкурсе поучаствовать в начале июля. Как считаешь, получится у меня? -Она, ещё и спрашивает?! – удивлённо посмотрел на подругу парень, – да у тебя новая жизнь начинается, открывается возможность пробить свет в скорлупе одиночества, и тогда ты уже будешь не просто скучным учебником философии, ты будешь музыкальным учебником, а такой статус для какого-то «учебника» гораздо увлекательнее, так, что давай, Настя, не думай ни и чём, а участвуй из всех сил! Но и никогда не забывай песню, которую случайно услышала на свадьбе у брата всё-таки замечательные там строчки кто-то выдумал: На абортаж беда берёт нас иногда

Идёт, идёт девятый вал, но ты держи штурвал. – Строчки замечательные, только боюсь я. Мне бы сейчас умереть от счастья, а я боюсь, вдруг там на этом конкурсе львы и тигры в музыки собрались, а я среди них серым воробьём буду, которого и заклевать не грех. А если серьёзно, то я Гендаля люблю. Соната си би моль мажор, опус номер двенадцать. Там добро со злом борются. Добро такое нежное, певучее, мелодичное, это скрипки, виолончели, а зло ехидное, ковар-

ное грубое там уже и фортепьяно можно расслышать. – Всё что вы говорите, девушка, ложь. Какой может быть Гендель, когда «Лунная соната» Бетховена, – вот вершина музыкального искусства, а «На сопках Манчжурии» Ильи Шатрова, как вам а? – перед молодыми людьми стоял Валерий Олегович. Отдыханец, как сказал о нём Юрка. – музыка она тревожить душу должна, а Гедаль ваш он. . . . – Гвоздь без шляпки да? – у скамейке снова оказался Юрка, – нечего улыбнулся он, – Настя постарается и к вашему Генделю музыкой шляпку прибьёт – А ты, шуруп, откуда это знаешь? – спросил мальчика Женька – Знаю, – махнув рукой ответил Юрка, – мой папа на заводе работает с металлом, значит, а металлическая пыль в ладонь въедается так, что не отмоешь потом. А у Насти в ладони ноты въелись, так что она всех на этом конкурсе на лопатки положит. Зуб даю! – Ну, после такого горячего и бурного выступления всех вас придётся мне участвовать в конкурсе и помнить, что надо «всегда держать штурвал» – засмеялась Настя. – Помогите мне, Валерий Олегович в подъезд забратся, пойду готовится к новой жизни выбираясь из скорлупы одиночества. Пойду учить Генделя. А вас всех приглашаю на концерт.

Наталья Козлова

На закате

Уходило солнце на покой,
Маков красных головы качались.
Были они вместе день-деньской,
А сейчас так нежно распрощались.

Засыпают маки сладким сном.
Солнышко глазочки притворило,
Завтра оно встанет над селом
Жаркое, прекрасное ярило.

При восходе вспыхнут огоньком,
Лепестки пурпурно-алых маков.
Солнце осветит своим лучом,
И заботою из тайных знаков.

Сказки волшебного леса

*Лес улыбнулся
Елями вдали.
Сказка в гости идет.*

Адажио леса

Здравствуйте! Зовут меня Катя. Мне 9 лет. На дворе август. Я у бабушки в деревне. Хочу рассказать вам об этом месте и волшебном лесе, который зеленым покрывалом оку-

тывает его. Есть в нашей необъятной Родине один уголок. Это моя родная деревня. Окружена она лесом со всех сторон. Совсем небольшая всего из семи домов, она самое любимое мной место на всем земном шаре. С ранних лет сбегала я в лес. Он как магнитом манил меня своими загадками. Я мола просто ходить и слушать птичьи трели, или наблюдать за муравьишкой-тружеником. Признаюсь, что мысленно даже разговаривала с лесом, а он отвечал мне все новыми и новыми сюрпризами: дарил яркие краски цветов на небольших полянках, угощал сладкой земляникой розово-пурпурного цвета и иссиние-сиреневой черникой, подернутой дымкой, богато награждал грибами. Звуки леса-особенная форма музыки природы. В ней скрежет стволов и скрипы ветвей деревьев, шелест листвы, робкий шепот трав и папоротников. Дятел, усердно добывающий пищу, отчетливо выбивает барабанную дробь по стволам, словно умелый барабанщик на ударной установке. А как прекрасны переливы голосов пернатых. Они звучат в широком регистре. Глухарь низким голосом зазывает даму сердца. Интересно курлычет тетерев, в его песне можно услышать нотки, сравнимые со смехом человека. Прерывистая песня синички, немного похожая на свист, звучит во второй октаве.

Дух леса

Д*а, я всегда верила, что лес это-живой организм, в кото-

ром множество различных обитателей. У*ютно устроились в нем животные, насекомые, птицы, растения, грибы и живут в мире и согласии. Х*одит в гости и человек, наслаждаясь песнями и мелодиями леса, необыкновенным воздухом, прекрасными видами. Л*ес наполняей положительной энергетикой, зарядом бодрости и хорошего настроения. Е*сть нечто магическое в лесных прогулках. С*осны и ели одаряют запахами хвои. А*роматами пьянят и лесные травы.

Тайны леса

Мой сказочный лес таит в себе тайны и секреты. Есть там одно озерцо, называемое Лывой, где по легенде ночью на бережке можно увидеть в лунном свете силуэт красивой девушки. Зовут ее местные жители Малика. Она белолица, с карими глазами и тонкими чертами лица. Ее губы, как бутон розы. Вьющиеся русые волосы уложены в аккуратную прическу. Росточка она невеликого, стан стройный с осиной талией. Является дева в вуалевых одеждах нежно-розового цвета. Взгляд лучист и притягателен. Красивые песни поет эта нимфа на неведомом языке. В народе говорят, что это эльфийский. Колдовским действием ее пение обладает. Коль увидеть деву ту, да услышать пение ее, станешь ты рабом леса, будешь служить ему верой и правдой, а временами станешь понимать, что птахи и зверье разное говорят. Является прекрасная леди не всем, а лишь чистым сердцем и душой.

Такая вот история о Малике.

Хранитель леса

Таким то вот человеком и был наш лесник дядя Микола. Сказать сколько лет ему, да нисколько. Он всегда в одной поре. Такой добряк в фуфайченке с бороденкой, да с прекрасной широкой улыбкой. Говаривал Микола, что не раз деву распрекрасную встречал на озере, да что дар у него зверей разных и птиц понимать появился, что в деле его лесничем хорошая подмога. Пошла как то в лес я по грибы. Ходила, искала, любовалась. Найдя очередной гриб, встала и посмотрела на березу, да как закричу: – Медведь! Медведь! Кара-у-у-у-у-у-у-ул! Медведь, там медведь, – показалось от страха будто тьма крошечная окутала в тот момент лес, а сердце просто выскакивало из груди. – Нет там никого, – проговорил, услышавший звонкий крик Микола, – это чага, я сам недавно напугался этого «медведя», пойдем, посмотрим на него, не бойся. Мы пошли, Микола рассказал, что на березе растет гриб чага, просто на этом дереве, он очень огромный. Лесник, видя мои перепуганные глаза, указал где растет шикарная малина, а еще сказал, что у него дома живет сохатый и пригласил в гости.

Замок за лесом

Пришла я домой довольная. Полную корзину грибов принесла, да малины вдоволь наелась. Рассказала домашним, что Миколу встретила и о приглашении его. Бабушка как услышала, отговаривать стала. Говорит, мол, Микола в заброшенном старинном замке живет, что прямо за большим лесом, и привидения там к нему, как к себе домой ходят. Задумалась я, с тем и уснула. Приснился мне необыкновенный сказочный дворец, а Микола там король на троне. Лось возле дворца ходит с ветвистыми роками, а на шее его бубенцы. Говорят, что утро вечера мудренее, но я проснулась все с тем же вопросом в голове. Решение идти в гости или нет, так и не приняла. Прошло несколько дней. Встретились мы с Миколой в деревеньке нашей, он за молоком приходил к соседке. Увидел меня и заулыбался, да и спрашивает: -Что, крошечка, напугалась в гости то идти? -Никакая я не крошечка, ничего и не испугалась. А лось то у Вас с бубенцами? – произнесла я, не подумав, во сне то он такой был, да уж очень красивый. – А вот приходи и увидишь, какой он мой сохатик, – произнес Микола и пошел в сторону своего дома. Любопытство победило, я решительно зашагала через лес. Спустя минут двадцать очутилась возле разрушенного замка, там и жил Микола. Это было совсем не то, что в моем сне. Стены поросли плющом и были кое-где разрушены. Об-

щий вид создавал печальную атмосферу. Мне стало обидно и грустно, но тут появился Микола со своей широкой улыбкой. Мир будто ожил. А позади него шел лосенок, маленький и смешной с коричневым мокрым носом. И я сказала: - Здрасьте!

Муравейник

– Кто к нам пожаловал, молодец что пришла! Вот смотри, нравится ли тебе лосенок? -Очень, – ответила я, и от умиления глупая улыбка расплылась по моему лицу. Пойдем покажу мой дом. Не бойся привидения ко мне не приходят, это все бред. Лишь пауки плетут свои ловушки под высокими потолками. Когда-то в этом дворце жил местный барин, да сгинул он в Сибири. Остался замок без присмотра. Подумал я, что мол гнезду пустовать, да и поселился в маленькой комнатке на первом этаже. Здесь и лес рядом, удобно в работе, и деревня неподалеку молочка, да продуктов купить. Так вот и живу. – Ну, что осмотрелась? Не страшно ведь? – Спасибо, дядя Микола, нет страшного то ничего, а сохатик, она прелестный! Но пора мне, побегу домой. – Заходи, будя еще к нам, красавица. -Зайду!

Пошла я опять через лес. Долго то нельзя задерживаться, и так попадет, эх и будет же бабушка сердиться. Но пришлось мне немного задержаться. На пути моем муравейник встретился. Засмотрелась я как работают насекомые, кокой

порядок и слаженность во всей их жизни трудовой. Подумала: «А ведь у них здесь целый лесной замок. Он очень сложной конструкции, как лабиринт, с множеством входов и комнатшек».

Ливень

Засиделась я у муравейника и не заметила, что лес как будто замер. Стало в нем неуютно и жутковато. Не успела я подумать, что наверное близок дождь, как первые капли упали мне на щеку. Сначала тихонечко, как будто разведывая обстановку, дождевики падали на траву и землю, издавая при этом глухой звук. Потом движение дождя нарастало и капли затарабанили звонче и звонче по ветвям, листьям, и, конечно же по мне.

Обрушился ливень. Казалось, что разверзлись небеса. Я пыталась укрыться под широкими лапами сосны. Это не очень помогало, и я вымокла до нитки, но вскоре закаркала ворона и выглянуло солнце.

Тьма сменилась ярким светом, лес ожил и начался лесной концерт. Пережившие дождь лесные птицы, воспряли и стали распевать на все голоса. В овражке слышался шуршаще-гремящий звук, бегущего под горку ручейка.

Я выбралась из укрытия и побежала к дому. Понимая, что получу взбучку уже за то, что ушла к дяде Миколу, я решила выйти на солнышек и просохнуть, чтобы хоть на мокроту

не попало. Одежда недолго оставалась мокрой. Я уже было направилась к дому, но на полянку выскочил зайка.

Санитар леса

Смешной серенький озорник был такой же сырой, как и я до выхода из леса, и вылизывал свою шубку.

Ах, как же он суетился, так было неприятно ему, хотелось побыстрее обсохнуть, да вновь запрыгать по лесным тропинкам.

Не долго пришлось наблюдать мне за зайчонком, потому что из-за кустов показалась серая голова волка.

Идя высоко поднимая лапы, он нелепо отряхнулся, и брызги полетели по сторонам.

Так важно и степенно волк осмотрелся, утвердительно заявляя о своем превосходстве, что по за коже мороз пробежал.

Актуальным было притихнуть, не дышать, и я зажмурилась от страха.

Робея и выпучив глазёнки, зайка приник к земле, прижал уши и быстро-быстро дергал носиком.

Лесной король пошел по своим делам, ему было совсем не до нас, потому что знал он, что вчера охотники кабана сеголетка подранили.

Ему во что бы то ни стало хотелось полакомиться мясом. Санитар леса знал крепко свое дело.

А как же иначе!

Зайчишка, почуяв, что опасность миновала, резво прыгнул и скрылся в лесу. Я же никак не могла опомниться от нечаянной встречи, но зашагала по направлению к деревне

Избушка местной бабы – Яги

Дома меня встретила обеспокоенная бабушка, немного пожурила и прочитала наставительную речь. Вечером собралась она к соседке. Звали ее Маренька, а я увязалась хвостом и тоже попала в гости. Маренька была ста-а-аренькая преста-а-аренькая, жила она в такой же ста-а-аренькой преста-а-аренькой избушке на краю деревни. Нет, это не Баба-Яга, но внешнее сходство было. С виду обычная: сухонькая, сгорбленная, в платочке, с волосенками реденькими, с морщинистым лицом. И знала эта Маренька того, что другие не ведают. Ходили к ней, дабы грыжу дитю иль скотинке какой заговорить, от хвори чтобы избавиться за травками, да по другим надобностям захаживали. Зашли мы с бабушкой в избу к ведунье, мне показалось, что жуть призрашенная. В прихожке пучки с травами висят, у потолка паутины навиты и сидят те, кто их тут наплел, в горнице тоже веревки натянуты и там мухоморы и, что самое страшное, я лягушку увидела сухую. А в доме темно так, сыро и мрачно. А возле самой Мареньки свеча горела, а сама она шептала что-то, ви-

димо заговор. Зажмурилась я тогда что сил было и дожждаться не могла когда же бабушка все дела завершит с Маренькой, и мы уйдем. Дома увидела я банку с водой, в банке уголек. Мои удивленные и вопросительные глаза заставили бабушку рассказать: «Как уголек утонет, знать помирать мне». Поход к Мареньке останется в моей памяти на всю жизнь.

Ураган

В тот вечер я все думала про Мареньку. Какие только мысли в голове не крутились, долго не могла уснуть, ворочалась и, наконец, уснула. Но сон был недолгим. Ночью стало гроыхать, был слышен шум ветра, завывающий волчьим голосом. Я открыла глаза, в оконце сверкала молния. Очень стало страшно, я не помню как очутилась рядом с бабушкой и вцепилась в ее руку. Она, спокойная и невозмутимая сказала: «Ураган». Я испуганными глазами призывала ее к разъяснениям. Бабушка понимала моё состояние и пороговорила: «Сильный ветер с дождем и порывистый ветер, опасная напасть за окном. Утром увидим чем Господь накажет, что разрушено будет, что на огороде останется. Спи, Катенька. Ничего не попишешь». Осталась я с бабушкой спать. Утром, открыв глаза, метнулась к окну и увидела покореженный забор, упавшую березу за огородом и раскиданную поленницу. Ураган набедокурил не только у нас в деревне, а по всей округе наследил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.